

А. Будилович

Первобытные славяне

**в их языке, быте и понятиях по
данным лексикальным Часть 1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
А11

A11 **А. Будилович**
Первобытные славяне: в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным
Часть 1 / А. Будилович – М.: Книга по Требованию, 2013. – 278 с.

ISBN 978-5-4241-0977-5

Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикаль-
ным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян. Часть 1

ISBN 978-5-4241-0977-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

Въ ряду источниковъ для изученія первобытныхъ эпохъ жизни народовъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ языкъ. По своей древности онъ ровесникъ первыхъ человѣческихъ могилъ, костей, орудій; но по своей выразительности онъ далеко превосходитъ эти нѣмые слѣды человѣческаго прошлаго. «Es gibt ein lebendigeres zeugniss über die völker als knochen, waffen und gräber, und das sind ihre sprachen. Sprache ist der volle athem menschlicher seele, wo sie erschallt oder in denkmälern geborgen ist, schwindet alle unsicherheit über die verhältnisse des volks, das sie redete, zu seinen nachbarn. für die älteste geschichte kann da, wo uns alle andern quellen versiegen oder erhaltene überbleibsel in unauflösbarer unsicherheit lassen, nichts mehr austragen als sorgsame erforschung der verwandschaft oder abweichung jeder sprache und mundart bis in ihre feinsten adern oder fasern». Яковъ Гриммъ, сказавшій эти прекрасныя слова ¹⁾, представилъ и лучшіе образцы того, какъ можетъ и долженъ пользоваться данными языка историкъ, этнографъ, мифологъ, юристъ, философъ. Онъ доказалъ въ теоріи и на дѣлѣ, что исторія словъ представляетъ самый надежный и наглядный матеріалъ для исторіи человѣческаго быта, понятій и учреждений. Ни Тацитъ, ни саги, ни хроники не доставили Гримму такого обширнаго запаса точныхъ данныхъ для культурной исторіи древнихъ германцевъ, какъ нѣмецкій языкъ. Лишь благодаря широкому примѣненію лингвистики, удалось Гримму соорудить на прочныхъ началахъ науку германскихъ древностей.

Отправляясь отъ идей Гримма, французскій ученый Пикте сдѣлалъ блестящую попытку возстановить по языку картину жизни первобытныхъ аріевъ, въ замѣчательномъ своемъ сочиненіи: *Les origines Indo-Européennes* (Paris 1850—63, I—II).

Финнологъ Альквистъ воспроизвелъ такую же попытку въ примѣненіи къ древностямъ финскимъ, въ сочиненіи: «*Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen* (Helsingfors 1875).

¹⁾ Geschichte der deutschen sprache. I, 5.

Значеніе языка, какъ древнѣйшей и важнѣйшей лѣтописи народовъ, не ускользнуло отъ вниманія изслѣдователей и славянскихъ древностей. Перечисляя источники и пособія для изученія «Славянскихъ старожитностей», Шафарикъ указываетъ и на языкъ славянскій, говоря: *naposledy i sám jazyk, sak starý, přesný a bohatý, jakový' jest bez odporu náš slovanský, sahající původem svým do mnohem starší doby, nežli všecky ostatní písemné i nepísemné prameny dějepisu našeho, ve mnohém ohledu nad míru výnosným jest zřídlem národních našich starožitností, a začasté i tam, kde nás všecky jiné prameny i pomůcky opouštějí, neočakávaně mnoho světla poskytlá, buď že jej vážíme z písemných památek, které co do jednotlivých slov pro nás již s dobou herodotickou, co do celých spisův ale teprva s Cyrilem a Methodiem 855 se začínají, buď to že čerpáme ze studnice živé, z mluvy národní, obecné. V obojí zajisté případnosti nalézáme v jazyku svém sklad roličných pomyslův, zprav a vědomostí, vydávajících nám o mnohých odjinud nedostupných věcech svědectví původem svým starožitné, přesnotou veleccenné, patrností a razností zavažné* ¹⁾.

Въ примѣненіи къ русскимъ древностямъ такой взглядъ на языкъ съ большою ясностію выраженъ за 28 лѣтъ передъ симъ И. И. Срезневскимъ: «Для изученія событій временъ позднѣйшихъ есть у историковъ много различныхъ матеріаловъ, есть лѣтописи, записки современниковъ, памятники юридическіе, памятники литературы, наукъ, искусствъ, живыя преданія народа. Отъ перваго же времени жизни нашего народа не сохранилось почти ничего подобнаго,—и первыя страницы нашей исторіи остаются незаписанными. Онѣ и останутся бѣлыми до тѣхъ поръ, пока не приметь въ этомъ участія филологія. Она одна можетъ написать ихъ. Пусть она и не скажетъ ничего о лицахъ дѣйствующихъ, пусть обойдется въ своемъ разсказѣ и безъ собственныхъ именъ; безо всего этого она будетъ въ состояніи разсказать многое и обо многомъ. Она передастъ быль первоначальной жизни народа, его нравовъ и обычаевъ, его внутренней связи и связей съ другими народами—тѣми самими словами, которыми выражалъ ее самъ народъ,—передастъ тѣмъ вѣрнѣе и подробнѣе, чѣмъ глубже проникнетъ въ смыслъ языка, въ его соотношеніи съ народной жизнію, и проникнетъ тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе средствами будетъ пользоваться при сравненіи языковъ и нарѣчій сродныхъ» ²⁾.

Въ подтвержденіе этихъ воззрѣній приведенъ авторомъ анализъ 22 словъ, важныхъ въ исторіи древнерусскаго права и быта ³⁾.

¹⁾ Sebrané spisy. I, 27.

²⁾ Мысли объ исторіи русскаго языка. 1860 г. стр. 20, 21.

³⁾ ib. 131—154.

Съ большой настойчивостію обращался къ языку, при изслѣдованіяхъ археологическихъ чешскій ученый Воцель. Уже въ 1850 году, въ своей статьѣ «O předhistorických obyvatelích české země a šíření se indoevropských narodů vůbec» ¹⁾ онъ включилъ языкъ въ кругъ источниковъ славянской археологіи, разобравъ съ этой цѣлью дюжину три славянскихъ словъ. Лѣтъ черезъ 14 Воцель опять возвратился къ этому вопросу въ статьѣ «O vzdělanosti slovanského národu v prvotních sídlech jeho» ²⁾. «V nesnadnou se úlohu uvazuje, читаемъ мы здѣсь, kdo se pokusí o zpytování počátků vzdělanosti národu slovanského. Zpráv historických k počátkům těm se vztahajících naprosto se nedostává, a některé hmotné ostatky a památky v staropohanských hrobech odkryté mohou sloužiti jen poněkud k objasnění jednotlivých dob vzdělaností dávnych věků; pročež se zdá, jakoby ani půdy nebylo, na niž by se základ takového zpytování bezpečně položití mohl. Nicméně zachovala se památka, nikoli v starých letopisech aneb v hrobech ukrytá, nýbrž až posud co nejdražší poklad z minulosti uchovaná a s životem národů slovanských srostlá, zachoval se jazyk slovanský, jehož kořeny sáhnají do mlhavého pravěku, daleko za pomezí dějepisem vytknuté. V jazyku obrazí se duch a původní osobnost národů; řeč národní jest tudíž nit ariadina, po nížto se v bludišti předhistorickém domakati můžeme výsledkův važných, jichžto jinak dosici nelze» ³⁾. Взглядъ этотъ подтвержденъ Воцелемъ и на дѣлѣ разборомъ болѣе сотни древнѣйшихъ славянскихъ словъ.

Почти весь этотъ лингвистическій матеріалъ, съ нѣкоторыми прибавочными замѣчаніями, внесенъ Воцелемъ и въ его «Pravěk země české» (Прага 1868, ст. 246—255).

Гильфердингъ въ своей статьѣ «Древнѣйшая исторія славянъ» ⁴⁾, Крекъ въ соч. «Einleitung in die slavische Literaturgeschichte» ⁵⁾ и многіе другіе славянскіе изслѣдователи также обращались къ языку за свѣдѣніями по культурной исторіи первобытныхъ славянъ. Въ широкихъ размѣрахъ воспользовался лингвистическимъ матеріаломъ г. Шулекъ въ своей поучительной статьѣ «Pogled iz biljarstva i pravick Slavenah a narose Hrvatah» ⁶⁾, гдѣ разсмотрѣно около 450 словъ, относящихся къ славянской ботаникѣ.

Какъ ни цѣнны упомянутые нами и многіе другіе опыты примѣненія лингвистики къ славянской археологіи, этнографіи и культурной

¹⁾ Časopis Českého muzeu 1850, II, стр. 260—262.

²⁾ Č. č. m. 1864, IV, стр. 353—370.

³⁾ Ib. 353.

⁴⁾ Вѣстникъ Европы 1869 г.

⁵⁾ Graz 1874, стр. 40—55.

⁶⁾ Rad jugoslavenske akademije 1877, кн. 39.

исторіи, однако нельзя не признать, что они не только не исчерпали, но едва лишь затронули обширный матеріалъ славянскаго языка, въ примѣненіи къ задачамъ историческимъ. Лексикальное богатство славянскаго языка, взятаго въ совокупности его живыхъ и вымершихъ говоровъ, измѣряется не дюжинами, не сотнями, даже не тысячами словъ, а сотнями тысячъ! Одинъ «Толковый словарь живаго великорусскаго языка» Дала обнимаетъ до 200,000 словъ ¹⁾; прибавьте сюда запасы малорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, исчерпайте историческіе памятники русскаго языка и вы легко достигнете 300,000 словъ нарицательныхъ. Число именъ собственныхъ, особенно названій топографическихъ, едва ли не превзойдетъ этой суммы. Такимъ образомъ лексическій запасъ русскаго языка, на всемъ пространствѣ его пространства и за всѣ періоды развитія, превышаетъ, безъ сомнѣнія, полъ милліона словъ. Но русскій языкъ есть не болѣе, какъ одна, хотя и сильнѣйшая вѣтвь языка славянскаго; до какой же цифры дойдетъ сумма словъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ въ совокупности! Если произвести самый полный учетъ обширнаго числа синонимовъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, то и тогда останется неисчерпаемое обиліе матеріаловъ для изслѣдованій какъ лингвистическихъ, такъ и историческихъ.

Эта широта и глубина заключенныхъ въ языкѣ матеріаловъ для исторіи представляетъ много заманчиваго для изслѣдователей; но съ другой стороны безбрежность этого моря словъ и понятій можетъ дѣйствовать и подавляющимъ образомъ на ихъ предприимчивость. Заманчивая перспектива новыхъ, но отдаленныхъ горизонтовъ науки можетъ ли разсѣять всѣ опасенія въ ихъ недостижимости?

Къ счастью въ настоящее время наука располагаетъ уже надежнымъ компасомъ для плаваній по океану словъ. Такимъ служитъ научный методъ—уравненія однородныхъ величинъ и отыскиванія неизвѣстныхъ по извѣстнымъ. Правильное примѣненіе къ славянскому языку сравнительнаго метода, завѣщаннаго Боппомъ, Гриммомъ, В. Гумбольдтомъ, должно привести къ столь же надежнымъ выводамъ въ области славянской археологіи и исторической этнографіи, какъ выводы, уже достигнутые этимъ путемъ въ фонетическомъ и морфологическомъ отдѣлахъ славянской грамматики.

Для того, чтобы слово сдѣлалось историческимъ памятникомъ, грамотою, необходимо дать ему прежде всего хронологическое опредѣленіе: когда возникла она, эта миниатюрная грамота? Другой вѣсь имѣетъ

¹⁾ Ч. I, стр. XIII.

въ глазахъ историка грамота, медаль, или монета, изготовленная вчерашній день, и другой—возникшая за 1000, 2000, 3000 лѣтъ передъ симъ. Поэтому первою задачей лингвистической палеонтологіи является выдѣленіе древнѣйшихъ словъ языка отъ старыхъ, а послѣднихъ отъ новыхъ. Но какъ это сдѣлать? Письменные памятники славянскаго напр. языка не восходятъ по своему возникновенію далѣе одного тысячелѣтія отъ нашихъ дней; къ тому-же они обнимаютъ лишь частичку лексикальнаго матеріала, хранящагося въ народной памяти. Даже исчерпавъ ихъ въ полной мѣрѣ, мы остановимся на самомъ рубежѣ славянскихъ древностей и принуждены искать другого ключа для входа въ ихъ священные палаты. Такой ключъ находится въ живой памяти славянскихъ народовъ, во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ нарѣчій. Разсматривая словари послѣднихъ, мы замѣчаемъ, что для выраженія однихъ понатій имѣются слова общія во всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ, для другихъ—свойственныя отдѣльнымъ группамъ послѣднихъ, для третьихъ наконецъ—особое въ каждомъ нарѣчій. Не представляютъ ли эти три группы словъ соотвѣтствія съ тремя разными эпохами жизни славянскихъ народовъ? Не находится ли распространенность словъ по нарѣчійамъ въ прямой зависимости и отношенія съ ихъ сравнительною древностію? Въ послѣднемъ случаѣ х нашего уравненія, т. е. возрастъ слова, всегда бы можно отыскать по извѣстнымъ его величинамъ, т. е. распространенности даннаго слова въ нарѣчійхъ.

Кто смотритъ на языкъ, какъ на органическое произведеніе природы человѣческаго духа, какъ на эманацию народной мысли и вмѣстѣ гибкій ея органъ, тотъ не станетъ объяснять случайностями существованія во всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ множества лексикальныхъ параллелей. Онѣ должны были образоваться какимъ нибудь органическимъ путемъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ возможно допустить историческое замѣстоуствованіе; но дѣйствіе послѣднаго всегда было ограничено между славянами разрозненностію ихъ жизни на громадной территоріи, раздѣленной и природою, и судьбами политическими. Въ большинствѣ такихъ лексикальныхъ совпаденій между нарѣчійми необходимо слѣдов. допускать доисторическое сродство, происхожденіе отъ одного общаго первоисточника. Полную силу имѣютъ въ этомъ вопросѣ соображенія, высказанныя Воцелемъ: «Z důkladného skoumání zvěčného šafařka jde na jevo, že do V, VI a VII století spadá stěhování-se rozličných kmenů slovanských, t. čechů, Lužičanů, Luticů, Bodrců, Korutanů, Srbů, Chorvatů, Dalmatinců a Slovanů Bulharských z původní všeslovanské vlasti mezi Baltickým a černým mořem do nových vlastí na západě a jihu se šířících, kde každý z těchto kmenů položil základy samostatného, histo-

rického i společenského života. Majíce na zřeteli poměry zeměpisné, politické a společenské v dobách dřevnějšího středověku panující, ne budeme váhati přisvědčiti tomu, že za oněch, ba i za posedjších dob, užšího, na vedomí společného původu se zakládajícího spojení nebylo mezi Slovany ruskými a korutanskými, mezi Polany a Srby, mezi Čechy a Slovany illyrskými a bulharskými; ba víme, že stykání-se Čechů s nejbližšími jich sousedy slovanskými více v svarlivém dotykání-se, nežli v přátelské vzájemnosti záleželo. Jak medle měli bychom se domýšleti, žeby tenkrát, asi v VIII, IX neb X století mezi různými národy slovanskými byly mohly konati se nějaké úmluvy neb porady směřující k ustanovení společného pojmenování předmětů a pojmů takových, které v pozdějších oněch dobách ve známost jednotlivých daleko od sebe vzdálených kmenů vešly? Vímet' ze zkušenosti vlastní, s jakými obtížemi zápasiti jest při podniknutí takovém i za našeho věku, kde pismo, tisk, věda a urychlené cestování podniknutí taková nad míru usnadňují. Poměry ty na myslí majíce nabýváme přesvědčení, že názvy pojmů a předmětů ve všech slovanských jazycích stejně znějící a se zhodující byly vznikly u Slovanů již dříve, nežli tito z původní slovanské vlasti částky soukmenovců na východ a k jihu vyslali, aby co nová odvětví slovanská tam se osadili ¹⁾.

Такимъ же взглядомъ на дѣло руководствовался Я. Гриммъ, когда на основаніи общихъ словъ во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ писалъ свои блестящія первыя главы «Исторіи нѣмецкаго языка»; отъ этой точки зрѣнія отправлялся и Пикте въ своей «Лингвистической палеонтологіи первобытныхъ Аріевъ».

Принимая мысль о прямомъ отношеніи между распространенностію и древностію славянскихъ словъ за достовѣрное научное положеніе, рѣшился и авторъ предлагаемаго труда представить рядъ изслѣдованій объ эпохахъ или относительной древности словъ, примѣнительно въ эпохамъ народной жизни. Въ ходѣ этихъ изслѣдованій постепенно опредѣлились и установились свѣдующія общія правила для хронологіи славянскихъ словъ.

1. Древнѣйшими словами нашего языка должны быть признаны тѣ, которыя, будучи повсемѣстно распространены въ славянскихъ нарѣчіяхъ, встрѣчаются и въ другихъ аріискихъ языкахъ. Это остатки *дославянскаго* періода жизни языковъ нашей семьи; ихъ можно уподобить орудіямъ каменнаго періода въ палеонтологіи.

2. Второй слой составляютъ тѣ слова, для которыхъ не представляется параллелей въ другихъ аріискихъ языкахъ, но которыя встрѣчаются во всѣхъ главныхъ представителяхъ славянской семьи языковъ.

¹⁾ с. с. м. 1864, IV. стр. 355—356.

Это слова *праславянскія*,—остатки бронзового періода лингвистической палеонтологіи.

3. Къ третьей группѣ принадлежатъ слова, свойственныя двумъ основнымъ группамъ славянскихъ нарѣчій, но не известныя въ третьей. Это древній, но не праславянский уже слой языка: мы называемъ его *древнеславянскимъ*,—железнымъ періодомъ лингвистики.

4. Последнее наконецъ и новѣйшее наслоеніе языка представляютъ слова, свойственныя отдѣльнымъ нарѣчіямъ, или немногимъ ближайшимъ членамъ нашей семьи языковъ. Съ точки зрѣнія общеславянской тамія слова представляются *областными провинціализмами*.

Эти общія правила не имѣютъ однако абсолютнаго значенія, а должны быть ограничены въ примѣненіи разными побочными условіями и соображеніями.

По отношенію къ первому правилу необходимо имѣть въ виду историческія заимствованія словъ, происходившія и въ древнее, и въ новое время.

Въ большинствѣ случаевъ слово заимствованное хранить печать своего происхожденія въ неорганическихъ перезвучкахъ по нарѣчіямъ; такъ напр. сравнивая славянскія названія для огуза *sativa*: рус. *рисъ*, болгар. *оризъ*, хорв. *riž*, хорут. *orez*, *gajž*, чеш. *rejže*, в. луж. *gajz*, пол. *guż* (§ 62, 16) ¹⁾, мы встрѣчаемъ въ нихъ такія звукоизмѣненія, которыя не могутъ быть объяснены законами славянской фонетики, а потому свидѣлствуютъ о заимствованіи слова изчужда, съ лат. *origa*, *gisiūm*, или нѣм. *Reiss*. Но бывають случаи, когда слово заимствованное не представляетъ такихъ звуковыхъ искаженій; такъ *clupea harengus* называется въ ц. слав. *селдь*, рус. *сельдь*, болгар. *селдь*, чеш. *sled'*, пол. *sledź* (§ 96, 18). Слово это не имѣетъ корня въ славянскъ мъ языкѣ и по всей вѣроятности заимствовано съ др. сѣв. нѣм. *sild*, но въ такое старое время, что успѣло уже окрѣпнуть въ звукахъ славянскаго языка. Совершенно другое объясненіе должно быть предложено относительно звуковаго единства въ славянскихъ названіяхъ для *nicotiana tabacum*: рус. *табакъ*, хорв. *tabak*, хорут. *tabak*, *tobak*, чеш. *tabak*, в. луж. *tobak*, пол. *tabaka* (§ 58, 63). Слово это образовалось конечно въ недавнее время, изъ того же источника, что нѣм. *Tabak*; оно не успѣло исказиться въ звукахъ лишь по новости своего происхожденія.

Бывають наконецъ случаи такого совпаденія названій *всеславянскихъ* съ другими *арійскими*, что не представляется возможности положительно рѣшить на лингвистической почвѣ вопросъ объ ихъ сродствѣ доисторическомъ, или историческомъ заимствованіи; такъ лат. *гара* по-

¹⁾ Мы цитируемъ здѣсь параграфъ нашего изслѣдованія.

ситъ названія: въ ц. слав. рѣпа, рус. рѣпа, болгар. рѣпа, серб. репа, хорут. гера, чеш. ěра, пол. gзера (§ 60, 10). Заимствованы ли эти слова съ лат. въ отдаленное время, или произошли независимо отъ одного съ лат. источника, рѣшить довольно трудно.

Эти примѣры показываютъ, что при опредѣленіи дославянской древности словъ необходимо постоянно имѣть въ виду возможность историческихъ взаимодействій между языками родственными, особенно сосѣдними и въ строгости фонетическихъ соотношеній по нарѣчіямъ искуать гарантій противъ смѣшенія словъ дославянскихъ съ заимствованными въ древнее или новое время.

Что касается затѣмъ правилъ отнесенія словъ къ разряду праславянскихъ, древнеславянскихъ и областныхъ, то при этомъ необходимо имѣть въ виду не только степень ихъ распространенности по нарѣчіямъ, но и взаимныя отношенія послѣднихъ. Если мы встрѣчаемъ одно слово въ нарѣчіяхъ болгарскомъ и сербскомъ, либо чешскомъ и польскомъ, а другое въ русскомъ и хорутанскомъ, либо въ сербскомъ и польскомъ, то конечно выводъ объ относительной древности этихъ словъ будетъ не одинъ и тотъ-же, такъ какъ вѣроятность позднѣйшихъ заимствованій очень велика въ первомъ случаѣ, при давнемъ сосѣдствѣ нарѣчій, и очень мала въ послѣднемъ, при полной ихъ отчужденности какъ географической, такъ и исторической. На этомъ основаніи мы не считаемъ возможнымъ относить къ числу словъ древнеславянскихъ тѣ, которыя распространены въ цѣлой группѣ нарѣчій сосѣднихъ (напр. во всѣхъ южныхъ), но не встрѣчаются въ нарѣчіяхъ болѣе отдаленныхъ и принадлежащихъ къ другой географической и исторической группѣ (напр. въ западныхъ или восточныхъ).

Мы принимаемъ при этомъ не двѣ основныя группы славянскихъ нарѣчій, какъ предлагали аббатъ Іосифъ Добровскій и Шафарикъ, а три, выдѣляя, по примѣру Надеждина, Срезневскаго, Максимовича, русскій языкъ въ особый отдѣлъ, срединный между діалектическими полярностями славянскаго запада и юга, хотя и сближающійся болѣе съ послѣднимъ. Въ пользу такого выдѣленія можно привести много соображеній какъ лингвистическаго, такъ и историческаго характера. Для нашей цѣли достаточно указать на то, что русскій языкъ представляетъ величину несоизмѣримую ни съ однимъ изъ остальныхъ славянскихъ нарѣчій какъ по внѣшней силѣ и могуществу, такъ и по внутреннему богатству и самостоятельности построенія. Лишь соединенія нѣсколькихъ славянскихъ нарѣчій, какъ напр. всѣхъ южныхъ, или всѣхъ западныхъ, могутъ до извѣстной степени уравнивать русскій языкъ и представлять однородную съ нимъ діалектическую единицу. Вотъ

почему отсутствіе извѣстнаго слова въ коренныхъ русскихъ говорахъ равносильно для насъ его отсутствію въ цѣлой трети славянскихъ нарѣчій и служить основаніемъ относить происхождение такого слова не къ праславянскому, а къ древнеславянскому періоду.

При изслѣдованіи хронологіи славянскихъ словъ необходимо обращать вниманіе не только на фактъ ихъ существованія въ одномъ или нѣсколькихъ говорахъ, нарѣчіяхъ, либо въ группахъ послѣднихъ, но и на относительную силу тѣхъ говоровъ и нарѣчій, такъ какъ слово, сохраненное памятью милліоновъ и десятковъ милліоновъ лицъ, имѣетъ болѣе признаковъ древности, чѣмъ уцѣлѣвшее въ сознаніи тысячъ или десятковъ тысячъ душъ. Могутъ представиться конечно отдѣльные случаи, когда слово спеціально резьянское, лужицкое, кашубское древнѣе общерусскаго; но эти исключенія не подрываютъ общаго правила о большемъ консерватизмѣ массъ, чѣмъ отдѣльныхъ лицъ, а равно о большей независимости отъ случайныхъ вліяній народовъ и языковъ большихъ, чѣмъ малыхъ. Поэтому при изслѣдованіяхъ лингвистико-палеонтологическихъ большаго вниманія заслуживаютъ нарѣчія сильныя и распространенныя, чѣмъ слабыя и вымирающія, хотъ и послѣдніе скрываютъ нерѣдко въ своихъ нѣдрахъ отдѣльные архаизмы глубочайшей древности.

Исключительное положеніе занимаетъ въ средѣ славянскихъ нарѣчій языкъ церковнославянскій. Древность его памятниковъ ставитъ его на первое мѣсто въ изслѣдованіяхъ по славянской филологіи; но въ примѣненіи къ разсматриваемому вопросу значеніе ц. слав. языка нѣсколько ослабляется его смѣшаннымъ составомъ. Въ его образованіи приняли участіе нѣсколько славянскихъ нарѣчій, изъ коихъ главными были болгарское, сербское и русское. Вслѣдствіе того ц. слав. слова не имѣютъ той діалектической опредѣленности, которая желательна при розысканіяхъ хронологіи словъ. Имѣя однако въ виду, что первоначальною родиной ц. слав. языка былъ славянскій югъ, и что значительныя русскія примѣсы могли проникать въ него лишь въ позднѣйшее сравнительно время, возможно установить правило, что слова ц. слав. суть югославянскія и лишь въ маломъ процентѣ случаевъ русскія. Послѣднія можно въ большинствѣ случаевъ выдѣлить на основаніи ихъ отсутствія въ живыхъ говорахъ югославянскихъ и присутствія въ русскихъ.

При опредѣленіи хронологіи словъ, рядомъ съ разсмотрѣнными усложненіями, происходящими отъ особенностей въ построеніи и взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій, встрѣчаются и другія, зависящія то отъ подробностей въ распредѣленіи словъ по нарѣчіямъ, то отъ внѣшняго вида и внутренняго значенія самыхъ этихъ словъ.

Во многих случаях не представляется возможности провести слово по всемъ важнѣйшимъ нарѣчіямъ; такъ напр. для словъ югъ (§ 10, 4), смерчъ (§ 12, 4), иней (§ 16, 4), вѣдро (§ 17, 1), ковыль (§ 58, 19), дубрава (§ 65, 5) и многихъ другихъ мы не находимъ параллелей въ польскомъ нарѣчіи; для словъ криница (§ 25, 3), мель (§ 26, 5), мулъ (§ 29, 5), сѣра (§ 44, 1) не встрѣчаемъ примѣровъ въ сербо-хорватскомъ и т. п. Причислять ли такія слова къ праславянскимъ или къ древнеславянскимъ? Мы принимаемъ за правило, что при отсутствіи слова лишь въ одномъ изъ главныхъ славянскихъ нарѣчій западныхъ или южныхъ возможно все таки отнести его въ праславянскимъ, такъ какъ его присутствіе во всѣхъ остальныхъ, особенно въ великорусскомъ, служить сильной поддержкой его древности. Сомнѣнія въ этомъ оправдываются лишь въ томъ случаѣ, если внѣшній составъ слова не представляетъ особенной твердости, самостоятельности и однородности; такъ напр. слова югъ, иней, вѣдро носятъ въ своемъ составѣ, въ потерѣ связи съ глагольными корнями, печать своей древности; между тѣмъ слова суша terra continens (§ 30, 4), заливъ (§ 23, 2), бездна (§ 37, 2), пристань (§ 23, 3), растеніе (§ 50, 2), животное (§ 83) и т. п. могли образоваться и впоследствии независимо, дѣйствіемъ аналогичнаго метафоризма въ разныхъ нарѣчіяхъ. Точно также разнообразны суффиксы словъ, напр. метель, метелица, мѣтеж, мѣжава, zomet (§ 12, 6) и т. п. ослабляютъ вѣроятность ихъ праславянскаго происхожденія.

Всѣ эти сомнѣнія должны быть выражены при опредѣленіи древности слова либо пониженіемъ его на одну ступень (напр. низведеніемъ праславянскаго въ группу древнеславянскихъ, а послѣдняго въ отдѣлъ областныхъ), либо оставленіемъ его хронологическаго опредѣлителя подъ вопросомъ, что должно свидѣтельствовать о неполной надежности рѣшенія и отличать область догадокъ отъ области положительныхъ мнѣній.

Но опредѣленіе возраста слова не достаточно еще само по себѣ, чтобы сдѣлать его матеріаломъ историческимъ. Мало было пользы наукѣ отъ убѣжденія въ глубокой древности гіероглифовъ до тѣхъ поръ, пока не найденъ ключъ къ ихъ чтенію и пониманію! Необходимо опредѣлить и древній смыслъ древняго слова: лишь тогда оно станетъ грамотой вѣковъ минувшихъ.

Немного есть въ славянскомъ языкѣ словъ, имѣющихъ однообразное значеніе во всѣхъ памятникахъ и во всѣхъ говорахъ; большая часть словъ имѣютъ по нѣскольку параллельныхъ, иногда же и діаметрально противоположныхъ значеній. Такъ напр. миръ означаетъ mundus, рах (§ 1, 1), свѣтъ mundus, lux (§ 1, 2, § 3, 1), цвѣтъ flos, color (§ 56, 1) и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этимологія ведетъ насъ къ восстано-